

ГЛАВА VI. СЕМЬ ПЕРЕХОДОВ СЫНА КОРОЛЯ

Словно во сне мелькали и расплывались заснеженные горные пики, перевалы, покрытые лиственным желтым ковром, голые ветви могучих буков и кленов, зеленые факелы сосен, темные заросли горного можжевельника. Колючие осколки дождя хлестали рыцаря по лицу, тучи скрывали его в своем темном холодном тумане, озера расплескивались под копытами Огра, словно разбитые зеркала.

Ничто не сдерживало рыцаря в его неистовой скачке, но слишком долгим казался путь, слишком далека была красносклонная Злата, и королевич повернул коня к кручам Семидневного перевала.

Дорога тянулась вверх по ровным склонам Костогуры мимо острогранных камней и жестких ковров серо-зеленого лишайника. На третий час у колен королевича сгустились белые облака, и влажная пелена скрыла от него весь мир, оставшийся внизу, у подножья голой, как череп, горы. Жаром пахнуло с вершины,

жаром костра из смолистых бревен. Такой в радость в зимние трескучие морозы, но в июльский зной от него кружится голова и першит в горле. Ветер нес с перевала запах горелых перьев и мелкий серый пепел — вроде остающегося после сгоревшей степной травы. Направо от дороги за полузасохшим можжевельным кустом мелькнули белые кости. Лошадиный скелет придавил костяк в ржавых доспехах. Конь, видно, оступился в запале скачки вниз по склону — остатки передней бабки все еще торчат в можжевельных корнях, — а всаднику в тот миг уже было все равно. Не витязь бежал от боя — верный конь уносил мертвое тело хозяина. Королевич нехотя слез с седла, сошел на обочину, краем щита нагреб на мертвеца мелкий щебень вперемешку с песком и ржавчиной, на невысокий холмик взгромоздил гранитную глыбу, а на нее положил ржавый остов высокого горского шлема. И подобрал с земли кольцо, широкое золотое кольцо, украшенное темной глубокой резьбой: дубовые листья и мерцающие среди них звезды. Кольцо королевич, подумав, взял с собой. Где-то он уже видел подобный узор — на плаще или намете, на наддверной резьбе богатых хором или на кайме древнего герба. Какая разница! Главное, что однажды он сможет, увидев этот сложный узор, рассказать отцу о сыне или сыну об отце, сестре о брате, юнаку о побратиме. И кто-то оплачет того, кого уже оплакал юный принц из Полева, и в одном доме перестанут мучиться напрасной тяготой ожидания и начнут ожидать встречи в мире, лучшем, чем этот.

Таким вот благочестивым образом размышляя, Индржих помолился за убиенного, вскочил в седло и, перехватив копьё на боевой хват, поскакал дальше. От грохота копыт гнедого скакуна содрогнулась земля, и, скрытый до этого слоем песка, обнажился на обочине щит. Золотой орел в обрамлении дубовых листьев и звезд сверкнул навстречу солнцу.

Однако полевец не заметил герба убитого — ведь то, что открылось его глазам, могло затмить любое зрелище земли. Перевал Страха раскинулся перед ним — ровное поле, усеянное костями и доспехами, осколками черепов и шлемов, обугленными досками щитов и раздробленными древками копий. Сверкающая скала возвышалась вдали, и хозяйка этих земель, огнекрылая и могучая, недобро глядела с нее на незваного гостя.

Похоже чудовище было на огромного ястреба, жесточайшего и неблагоприятнейшего из всех пернатых воителей. Нет в полосатогрудом ни соколиной гордости, ни орлиного высокомерного достоинства. Только жажда крови и плоти, жадность к трепету убитого, но еще не умершего тела, бесполезно рвущегося из железной хватки длинных серповидных когтей. Желтые глаза Страха-птицы смотрели люто до безумства, на груди блистали полосы меди и пламени. Крючковатый клюв раскрылся, и хриплый вопль пронесся над перевалом.

Индржих помянул имя Божие и попытался развернуть Огра. Почему-то королевич решил, что дорога в сорок дней — не крюк. Однако удрать рыцарю не удалось: гнедой-шестилетка в рыцарственности понимал не хуже королевича, а мозгов по малолетству имел намного меньше. Воинственно заржав, скакун устремился на расправляющую крылья огненную смерть.

— Лучше б я тебя Свентовуку скормил, травяной мешок! — крикнул юноша, крепче упирая ноги в стремя и наклоняя древко тяжелого копья.

Желтоглазая птица летела на глушца в железной скорлупке, ветер свистел в пламенных, дымных перьях, докрасна калил клюв и когти тысячелетней убийцы. И не такие богатыри сложили кости на перевале...

Столкнулись. Птица завопила бешено, клочья перьев полетели клубами во все стороны, раскаленная добела кровь

потекла по ясеневому древку, и оно вспыхнуло, словно тростинка. Огр промчался под самым брюхом хищницы, едва не угодив под удар полуторааршинных когтей. Щит раскололся вдребезги, копьё королевич бросил сам и теперь сорвал с седла свою огромную секиру. Птица клекотала и плевалась огнем, раненое крыло, распластавшись на пять сажений, волочилось по камням, сжигая редкие пучки уцепившейся за склон сухой травы.

Королевич развернул коня. Огр хрипел и упирался, откачиваясь приближаться к крылатому чудовищу.

— Ну уж нет, дорогой, — сказал Иржик и двинул Гнедого кулаком промеж ушей. — Ты меня в это дело втравил...

Страх-птица прыгнула, помогая себе здоровым крылом и вытянув шею, зазубренный клюв щелкнул над головой королевича. Юноша нырнул вправо, попутно вонзив шпору в широкий бок скакуна, и снизу вверх, под клюв, ударил секирой. Страшная голова запрокинулась, из разрубленного горла, пенясь, хлынула кровь. С упорством петуха, выбранного на ужин, по недомыслию пытающегося сбежать и не заметившего, что голова его валяется в стороне от колоды, а глаза ее остекленели, птица держалась на ногах. Здоровое крыло судорожно билось, когти сжимались, ища добычу, и кремень скалы искрился под ними.

Королевич ударил еще раз — сплеча, вложив в удар всю свою недюжинную силу. Голова чудовища покатилась вниз по склону, огненные крылья подернулись сединой пепла. Остывающая туша повалилась вперед, чуть не придавив и рыцаря, и коня. Индржих сидел, устало уронив руки. Огр рыл копытами мелкий щебень, припорошенный золой, косился на мертвую грудку бешеным глазом.

— Все, мальчик, — сказал королевич и, соскочив с коня, стал его торопливо расседлывать. — Дальше сегодня не пойдем.

Огр протестуяще заржал — совсем не хотелось усталому коню провести ночь на этой голой равнине, где ни одной травинки, ни одного листочка не пробивалось теперь сквозь желтизну кремнистой горячей пыли, где в тени раскаленных скал так же жарко, как и на солнцепеке, а вода есть только в бурдюке, привязанном к седлу. А значит, лошади достанется на ужин маленькая торба овса и чуть-чуть воды из кожаного корытца. Огр обиделся, огромный крепкошей скакун высотой в полста вершков в холке решил, что морить его голодом неблагоприятно...

Индржих проснулся на заре от птичьего щебета и дурманящего холодка, впервые пришедшего на скальную седловину первого перевала на семидневном пути через Кость-гору, оторвал голову от седла, огляделся и, откинув плащ, которым укрывался, вскочил на ноги. Огр ушел...

Вмятины в желтоватой пыли показывали, куда двинулся самовольный скакун. Уже ни топота копыт, ни фырканья, вырывающегося из багровых жарких ноздрей, не было слышно. Королевич, исполненный ярости, громко свистнул в два пальца, помянул волчью сыть, взвалил на спину седло и зашагал по следу, попутно пиная камни и спешащих по своим делам жирных серых гадюк.

С гребня перевала он глянул назад и увидел, что уродливая копна Страх-птициной туши разодрана оголодавшими волками, вслед за зимой ворвавшимися на склоны Кость-горы. За стаей шла пурга, гудящая так надрывно, что сосны, обрушиваясь в пропасти, кричали от ужаса. Королевич припустил бегом, но, хоть ему удалось убежать от зимы, осенние ветры вдосталь засыпали его желтыми листьями.

А там, где пасся Огр, было лето, пряно пахли луговые просторы, навевая сладкую томность, и белоснежная кобылица, огнеокая и чернокопытная, плавным галопом стелилась над травами.

Журчали струи синей реки, желтели песчаные отмели, утыканные зеленью камышей. На белом камне, подставив солнцу розоватые плечи, сидела обнаженная девица с длинной черной косой. Заметив Индржиха, девица пискнула и метнулась к черно-алой кучке одежды, лежавшей на соседнем валуне, поскользнулась и, жалобно вскрикнув, упала.

Индржих, сбросив поклажу, замешкался, решая, что сделать вперед: спасти ли девушку от лежания на колючей гальке, или же набросить на нее сначала какую-нибудь тряпку. Новый мелодичный стон лишил его сомнений и скромности. Принц сломя голову бросился к чернокосой.

— Что случилось, панна? — крикнул он на бегу.

— Нога... кажется, стопу вывихнула, — все так же мелодично простонала девушка, чуть приподнимаясь на руках и от этого становясь столь соблазнительной, что к принцу на миг вернулась стыдливость. Он перевел взгляд на ноги красавицы, остолбенел и изменившимся голосом спросил:

— А какую?

— Левую, — от удивления не застав, ответила несчастная, развернулась уже вовсе бесстыдно, и тут страшный удар меча обрушился на ее беззащитную головку.

Принц стоял, судорожно сглатывая набегающую слюну. По клинку сползала черная пленка крови, а костлявая старуха с редким пухом на разваленном ударом черепа слабо подергивала ногами. Уродливыми, изжелта-пятнистыми, покрытыми узлами вен ногами старой ведьмы. С пятками вперед и длинными когтями на пальцах. Длинными, кривыми и желтыми, как у курицы.

Тут королевича стошнило и почти вывернуло наизнанку. Покачиваясь, королевич подошел к речке, зачерпнул ладонью воды, страшно холодной и странно соленой.

— А-а-ах, — выдохнул он тяжело, и, стараясь не замечать желтую корягу между камнями, быстро зашагал к брошенному седлу. Из покрывающихся холодной туманной пеленой лугов донеслось извиняющееся ржание Огра. Жеребец пофыркивал, косился кровавым глазом на белый костяк кобылицы, потом, чуть вскинувшись, ударил копытами в землю так, что загудели окрестные горы, и подбежал к королевичу.

* * *

Утренний хрустящий ледок уже покрыл речные закраины, когда всадник в синем плаще и без копья выехал с перевала Ведьмы к обрывистым склонам глубокого ущелья, пробитого соленой рекой. Вверх по течению лежал теперь путь рыцаря, и стальные подковы высекали искры из кремневых желваков, усыпавших берег. Бурлили тревожно пороги, сияли белой пеной, дрожали короткие радужные дуги над звонкими прозрачными водопадами, мерцали и таяли в искорках брызг.

Первые слезы дождя высохли, не достигнув земли, но все сильнее рыдало небо, смывая пыль со склонов горы, превращая землю в грязь, а грязь — в бегучую воду. Индржих набросил на голову полу плаща, часто вытирал лицо рукавом. Мокрая грива Огра висела черными извивистыми косицами, подрагивая в такт движению. Потом на вершине родился гул. Что-то могучее, безумное клокотало, бесилось, ища выхода, готовилось обрушиться вниз, и вот посыпались мелкие камешки, потом камни и валуны, а затем уже покатались и целые скалы, несомые грязевым потоком. Огр заметался, утопая до колен в желтой жиже, уворачиваясь от неминуемой гибели. Сквозь занавесь водяной пыли Индржих увидел хохочущего колдуна, наводящего тучи на небосвод. Гнев, охвативший королевича, вырвался из глотки бешеным криком. Выхватив Ратвит, Индржих перепрыгнул с коня на пролетающую

скалу, с той перескочил на другую. Словно по крутым ступеням взбежал королевич по стремящимся к реке глыбам и надвое рассек смеющегося чародея.

И сразу тучи исчезли с неба, и солнечные лучи высушили землю, и третий вечер сполз к перевалу.

Королевичу не хотелось спать. Маленький костерок, укрытый валунами, давал мало света, и Индржих, глядя на звезды, пытался прочесть свою судьбу, насвистывал на свирели — на прощание корчмарев толстощекий сынишка подарил. Дрянь была свирелька, но звонкая, да и печали в ее голосе не было слышно, хоть изрыдайся.

С судьбой ничего не получалось, какая-то острокрылая быстрая птица всю ночь носилась по небу, затмевая звезды и смешивая предсказания, а потом наступил рассвет. Все небо оказалось залитым блестящей киноварью, и солнечный всадник поскакал к морю своей хрустальной дорогой.

* * *

Под вывороченными корнями дуба извивался издыхающий лев. Хребет могучего зверя был сломан ударом тяжелых копыт рыцарского скакуна, задние лапы мертвыми кулями тащились по земле, передние взрывали песок огромными желто-серыми когтями.

Напрягая огромные бугры мускулов под черной лоснящейся шкурой, волоча по песку клочья огненно-рыжей гривы, разевая в беззвучном реве глубокую жаркую пасть, лев полз по следам своего победителя, и пятна крови из ослепленной глазницы прожигали хрупкий осенний иней и грязными красноватыми пятнами застывали в песке. Потом еще долгие годы местные горцы собирали в песках Львиного перевала огненно-красные, металлически поблескивающие комочки пиропов.

А в шагах от него умирал Инрог, белая лоснящаяся шкура его была залита тягучей алой кровью, наплывающей из трех глубоких рубленых ран: на правом боку, чуть ниже лопатки; на плече, где в алой слизи белели разрубленные сухожилия; и самой страшной — у основания рога, где меч врубился в лобную кость зверя, и теперь пульсирующая рана извергала из себя темные кровяные сгустки. Чудовище вскинулось в последний раз, по-козлиному заскрежетав зубами. Словно полотнище, мотнулась белоснежная грива, раздвоенные золотые копыта вонзились в щебневое крошево. На один миг величественная фигура вознеслась над перевалом, затем колени зверя подломились, и он упал.

В темных широко раскрытых глазах Инрога навек отразилось лицо убийцы — юношеское, искаженное гневом и криком. А осенний ветер играл сухими листьями...

* * *

В полдень следующего дня гневной королевича зафыркал недоверчиво, пошел боком от покрасневших речных вод. Королевичу тоже не понравился их лаковый отлив. Он на всякий случай перекрестился, помянул Богоматерь Венцеградскую и попробовал переехать через реку. Огр уперся и захрапел, королевич пустил в дело шпоры, жеребец взбрыкнул и чуть не выбросил седока из седла. Королевич ударил коня кулаком промеж ушей. Скакун припечатал Иржика правым боком к кряжистому дубу, вздыбился и заржал. Королевич понял, что еще мгновение — и жеребец начнет кататься по земле, и оставил бесполезные попытки. Тем более что чуть выше по течению красная гряда мельничной запруды сулила возможность легкой переправы. Рыцарь поскакал туда, где за зарослями орешника, за кленовыми кронами и разлапистыми ветвями каштанов скрывался красный дом. Двухэтажный, под черепичной, чуть замшелой крышей, с высокой черной трубой,

над которой железный чертенок-флюгер показывал нос окрестным горам. Дом был от фундамента до чердака изукрашен резьбой, багровые розы цвели вокруг него, и красное мельничное колесо шлепало своими ступицами по прозрачно-алой воде.

На крыльце сидел старичок в красной одежде, белобородый и круглолицый.

Тихонько что-то напевая, он вырезал из липового чурбачка черпак. Заметив юного всадника на высоком коне, старичок засуетился, вскочил, снова сел, хлопнул себя ладонью по лбу и бросился навстречу рыцарю.

— Благородный пан, какое счастье видеть вас! Удачной ли была дорога? Не притомился ли ваш конь? Не затупился ли меч? Не желает ли пан покушать? — и низко кланялся, подметая бородой мусор с кирпичной дорожки, а пухлая ручонка жадно тянулась к узде Огра. Жеребец скрежетнул крупными зубами, и старикашка отскочил в сторону, по-прежнему сладко улыбаясь и приглашающе поводя ручками, шаркая башмачком.

— Дедушка, а ты, часом, людей не ешь? — откровенно спросил королевич. — А то вот меня под Старгородом один такой зазывал-зазывал... — и принц выразительно похлопал по рукояти меча. Старичок отшатнулся, обидевшись, поспешно зашагал к крыльцу. Иржик соскочил с коня, взял его под уздцы и повел к плотине. Вода рокотала, сбегая вниз по желобу, огненно сверкала, обрушиваясь вниз, розовато пенилась над ступицами, надрывно пела. В журчании ее слышались крики чаек, стоны и проклятия погибающих, лязг сталкивающихся клинков, треск ломающихся копий.

Когда рыцарь и конь почти поднялись на плотину, в небе послышались раскаты грома и частый перестук копыт. Королевич глянул вверх и оторопел от удивления. С неба, грохоча колесами, опускалась запряженная девятью вороными

жеребцами колымага. За кучера в ней сидел рыжий чернолицый черт в шляпе с петушиным опципанном пером. Щучьи зубы беса скалились в веселой улыбке, громово шелкал длинный крученный бич над ушами рысаков.

А на плечо возницы опирался высокий человек в черной одежде. Красным было его худое горбоносое лицо с безумно косящими глазами, красным был берет, сдвинутый на левое ухо, огненно-красным был бархатный плащ, и краснее крови были цепкие руки с черными железными когтями.

Королевич дернул Огра за поводья и уволок за собой в тростниковые заросли. Там принц обнажил меч и затаился по горло в воде.

Тем временем Красный Мельник выбежал навстречу гостям, дрожа и путаясь в собственных ногах. Спешно, спотыкаясь и падая, выносил старичок мешки из кладовой, тащил их в повозку и бежал за следующими. Набитые до отказа и полупустые, сморщенные, как старушечьи груди, мешки попадали в повозку и словно пропадали там, только выше и сильнее становился Господин в Черном и Красном, хозяин игральных карт и надменных сердец. Когда же Мельник остановился, ласковый голос Косого Бродяги сипло загудел над землей:

— Ты посмел обмануть меня, глупышка? Нехорошо так поступать, мельник, не надо считать меня дураком. Где все, что должен? — Косой Господин улыбнулся, а щучьезубый возница замахнулся кнутом на Красного Мельника. Зарывав, тот упал на колени и стал целовать колеса повозки. Бич, свистнув, обрушился на плечи старика, кровь брызнула из-под жестких ремней.

— Где отчаянье, дрянь? Где разлуки без встречи? Где глупая людская гордость? Украл? Перемолол? Мыши мешки источили? Вой, вой, волчья шерсть, грызи землю. Скоро будешь грызть каленое железо. Где страх? Где страх, где, я тебя спрашиваю,

красная гля? Присосался к месту, жируешь? А страх потерял, змеиная жаль? Лопнешь, как волдырь, через это. Только розни и кровопролития много, да мне от этого немного прибытку. От крови да розни размножаются праведники да герои, они мне не впрок. Где трусость и лицемерие, где измена? И фунта не намолот! Берегись, мельник, скоро придется тебе лизать каленые сковородки! Гони, Басавр!

Щучьезубый черт завизжал, защелкал бичом. Воронье рванулись в небо.

— А плата... — жалобно заверещал мельник.

— Доживешь до зимы — всё получишь! — ответил Нечистый. — Да, впрочем, деньги тебе уже и не нужны.

Старик смахнул со щеки горючую обиженную слезу, перевалился с колен на задницу и услышал сзади тяжелые хлюпающие шаги. Мельник обернулся, увидел перемазанного кровавой грязью рыцаря, недобрый блеск черных глаз, обнаженный клинок тяжелого меча. Дернулся вбок, пытаясь дотянуться до всаженого в плаху колуна. Поскользнулся и упал прямо под удар рыцарского крыжатого меча. Умер, не пискнув, скатилась по желобу седовласая голова, и понесли ее красные волны.

Индржих, шепча молитвы, разломал мельничное колесо, разбил жернова и, переведя коня на другой берег, стал разрушать запруду. Дел хватало до рассвета, а когда утром солнце осветило Красную Мельницу, вода в реке уже была прозрачной и чистой. А к полудню (хоть королевичу и не пришлось этого увидеть) быстрые речные струи смыли красную грязь со всех камней.

Близился шестой вечер пути, холодный пыльный ветер обжигал лицо королевича, трепал промокший и грязный плащ, набивал песком гриву Огра. Иржик устал, под глазами залегли тени, покраснел обветренный нос, заболело горло, и внутри головы кто-то колотил по крошечной звонкой наковальне. Когда

на кончике носа у принца повисла прозрачная капля, он плюнул на осторожность, снял шлем и латные рукавицы, прицепил все это к луке седла, выудил из переметной сумы кусок сухой холстины, высморкался и загрузил. Хотелось домой, поесть колбасы или медовой лепешки, выпить вина, выспаться, наврать какой-нибудь придворной даме, что любит ее, подраться на турнире (как давно бедному принцу приходится состязаться только с врагами!) не ради каких-то благ, а только ради веселья и игривой пьянящей славы...

...Над горами взревел боевой рог. Королевич оглянулся, выхватил меч, хлестнул им Огра плашмя по крупу и погнал скакуна вверх по склону. Сзади стучали копыта и скрежетал доспех — огромный заржавелый рыцарь скакал на пожелтелом, но гарцующем конском костяке. Над глухим шлемом мертвяка торчали измочаленные остатки плюмажа, в правой рукавице ржаво краснел огромный старинного вида меч, белели истертый древний герб на грудном тарче, да огромный сигнальный рог — «олифан» в шуйце.

Огр, наконец, выбрался на ровную площадку, где росло несколько корявых, перекрученных ветром дубов, и юноша развернул коня навстречу преследователю. Огр вздыбился и загарцевал, а из-за склона уже появилась костяная голова дохлой лошади. Из пустой правой глазницы свисал черный извивающийся змеиный хвост. Из глубины доспехов доносился грохот, как будто кто-то смеялся одними костями. Ржавый Рыцарь поднес к шлему рог и снова протрубил (далеко, за пятью перевалами, голос Мертвого рога услышал тот, кто должен был его услышать. Взлохмаченный человек сел на кровати, мученически скривил лицо, вздохнул со стоном, зевнул, протер глаза, помял лицо и стал ожидать третьего сигнала).

За шесть дней пути страха в королевиче не осталось даже на зайца — одна злоба да самоуверенность победителя чудовищ.

Налетая на врага, он только волновался немного, словно мальчишка перед совершением запретного, но безопасного подвига, скакал вперед в лихом запале — и доскакался. Огромный меч Заржавелого с легкостью отбил в сторону Ратвит и обрушился на шлем королевича.

«Мама!» — подумал принц, увидев многочисленные и яркие дневные звезды, и, прежде чем опомнился, получил еще, на этот раз по спине. Меч нападающего был туп, как полено, но многочисленные зазубрины разорвали кольчугу Индржиха и окрасились рыцарской кровью. Тут кони разнесли поединщиков, и королевич с трудом выпрямился.

Заржавленный уже развернул своего коня навстречу королевскому сыну. Юноша подождал и лишь в последний момент дал шпоры. Гнедой с места рванулся в галоп, промчался слева от дохлой клячи, и тут железная рука королевича вскинула жеребца на дыбы. Ратвит, свистнув по-птичьи, снес Заржавелому шлем вместе с головой. Тот даже не заметил. Костяная лошадь вздыбилась в развороте. Ратвит свистнул во второй раз и врубился в широкий костяной лоб, разрубив пожелтевшую кость и пестрое змеиное тело. Когда же половинки змеи коснулись земли, противник королевича стал понемногу разваливаться на части: сгнившие сухожилия уже не удерживали мертвых костей, а проржавевшие заклепки — частей доспеха.

Иржик соскочил с коня и подобрал рог. Время, мгновенно забравшее к себе мертвеца в ржавых латах, ничего не сумело сделать с золотом и слоновой костью «олифана», и лишь сетка глубоких трещинок, испещривших желтоватые узоры рога, выдавала его возраст. Иржик вгляделся в герб, вырезанный на боковинах рога, — саламандра в языках пламени. Незнакомый герб, его даже в гербовнике у учителя Богумила не было. Очень древний герб, еще довлывавших времен. Сказочных.

А тут и ночь пришла.

Далеко от шестого перевала человек, вслушивавшийся в темноту, так и не дождался третьего крика рога. Отбросив одеяло, он встал и торопливо оделся. Потом взял дремавший у изголовья меч и, выйдя из своего логова, канул во тьму.

* * *

Королевича качало в седле, страшно болели мышцы спины, а перед глазами мельтешили зеленые тени. Огр шел беспокойно, косился то влево, то вправо, по могучей шее скакуна пробегала нервная дрожь. Иногда конь переходил с шага на рысь, как будто седьмая опасность не ожидала впереди, а мчалась следом. Королевич, однако, не боялся: во-первых, голова болела, а во-вторых, он уже всех победил.

Внезапно Огр завизжал от ужаса и прыгнул по-заячьи вбок. Серая тень длинным прыжком настигла коня и выбила королевича из седла. Рыцарь едва успел высвободить ноги из стремян, как уже ударился о землю лицом и грудью. Жаркое дыхание, отдающее кровью, обожгло затылок, сильные лапы придавили принца к траве. Потом тяжесть исчезла, щебень скрипнул под человеческими шагами, и ехидный голос удивленно сказал:

— Ну, вот и снова! Как здоровьице?.. паныч.

...Костер горел нежарким ровным огнем, от надетого на вертел зайца пахло сытным ужином. Огр, стреноженный и привязанный чумбуром к дубовому стволу, недовольно бил копытом. Волчий царь лениво поворачивал вертел, подрумянивая заячьи бока, принюхивался, жадно раздувая ноздри, глотал слюнки. Иржик лежал у костра и разглядывал звездное небо, и все казалось принцу, что над северными землями созвездия спутались в клубок, напоминающий здоровенный мерцающий кукиш. Индржих со стоном перевернулся на живот, подпер голову руками.

— Есть хочешь? — поинтересовался Свентовук и ткнул жаркое длинным ножом. — Сейчас готово будет. Жаль, что ты подвернулся, я бы зайца сырым съел. Терпеть не могу, когда эти длинноухие вокруг скачут. Самая бесполезная тварь после чертей и вийтов, а воображает о себе Бог весть что. В половину сказок влезли, и все-то они в сказках хорошие. Ничего, Бог не выдаст — всех переедим, зайчиков справедливых. — Волк забормотал уже что-то совсем невнятное, порычал, скаля зубы, оторвал от зайца ножку и сожрал вместе с костями, только в пасти затрещало. Королевич торопливо схватил вторую ножку — побоялся, что разозлившийся оборотень сейчас зайца в одиночку слопают. Так и ели, капая мясным соком на подбородки, искоса поглядывая друг на дружку, фырча от удовольствия и облизывая мелкие косточки. Заслышав хруст и чавканье, Огр испуганно заржал и попытался оборвать чумбур. Королевич прикрикнул на коня и с удовольствием отхлебнул вина из Свентовуковой фляги.

Взошла луна, медно-красная и круглая, как блин. Тени от скал стали чернее сажи, а на освещенных красновато-желтыми лучами полянах зашевелилась, закопошилась всяческая ночная нежить, опасливо косившаяся на костер. Пробегая по своим делам мимо ночевщиков, нежитики опасливо кланялись Свентовуку и его длинному мечу, Иржика удостаивали лишь недобрый взглядом да полязгиванием огромных острых зубов, непонятно как умещавшихся в таких мелких тварях. Самый мерзкий из них, бесстыдно лысый и пузатый, словно крынка, попытался даже тяпнуть за ногу Огра, но жеребец возмущенно двинул копытом, и через мгновение топочущие поганцы уже уволакивали попискивающую лепешку — не то лечить, не то лопать.

— Откуда они лезут-то? На других ночевках так не было.

— А они меня чуют, поэтому не боятся. А так — везде водятся. Даже у твоего отца во дворце, небось, бегают.

— Не видел. Мы со Сташком все подвалы облазили — никого не нашли. Вот леший есть, его король Горимир сманил из Сухой Рощи в дворцовый лес жить. Я его даже видел раза три. Он почти и не скрывается. А такой погани не видел. Ой, смотри, он мухомор сожрал, не сдох бы!

— Этим прохвостам все на пользу. Не сдох бы! — передразнил Волк лениво, — дождайся! Им мухоморы за счастье, думаешь, они в своих норах что лучше едят? Пауков и плесень в горшке намешают с земляным маслом вонючим да ложками жрут. Ты принц, не отвлекайся, а то эти выродки у тебя сапог съедят!

Индржих брыкнул правой ногой, и несколько тварюшек едва не полетели в костер, только один, остроголовый, злоглазый, с длинной полосой шва по морде продолжал усердно грызть каблук.

— Я т-тебе! — прикрикнул на поганика Свентовук и швырнул в малыша камешком. — А ну — к мамке, Игоха проклятая!

— А со мной что будет? — поинтересовался, будто невзначай, королевич, глянул на лежащий рядом меч и стыдливо прикрыл рукоять скомканным плащом. Свентовук тоскливо пожал плечами, не зная, что и сказать.

— Возвращаться я не стану.

— Ну тогда — будь, что будет. Рассвета дожидаться будем, или как?

— Да ладно, чего уж время тянуть.

Витязи встали. Две охапки хвороста полетели в костер, и пламя его вспыхнуло с небывалой силой. Мелкая нечисть скрылась в норах, а на границе света и тьмы замелькали длинные невнятные тени. Сложившие голову на этом перевале собрались принять в свою дружину еще одного бедолагу.

Принц стал распутывать завязки кольчуги.

— Не стоит, у меня меч длиннее на две ладони.

— Ну, это уж кому что Бог дал.

— Тебе он дал панцирь.

— Не достойно. Помогите.

Свентовук помог королевичу стянуть через голову кольчугу, неодобрительно глянул на гамбизон, хоркнул презрительно:

— Дрянь, а не защита.

— Какой уж есть. Ну, я готов к услугам милостивому пану.

— Ну, держись.

Кровавые отблески сверкнули на обнаженных клинках, витязи схватились. Низкорослый оборотень, по-волчьи припадая к земле, кружил вокруг поледца, коротко взмахивая от плеча своим длинным, стремительным мечом, ловил оплошность королевского сына. Высокий широкогрудый полевец медленно поворачивался навстречу подвижному противнику. Так олень-семилетка стоит, прикрываясь своей ветвистой короной от клыков волчьей стаи, и волки не решаются метнуть вперед свои мускулистые тела прежде, чем ошибется лесной венценосец. Но уж если ошибется...

Свентовук качнулся вперед и вбок, меч его свистнул, целя в ребра слева, молниеносно нырнул вниз, уходя от встречи с Ратвитом, и полоснул королевича по правой ноге, на три пальца выше колена. Индржих закусил губу и стал еще осторожнее. Противники кружились у костра — скользкий, почти танцующий Волчий Царь и громоздкий, прихрамывающий и спотыкающийся полевский принц. Они остановились на несколько минут — подбросить хворосту в огонь, и на третий час боя оборотень стал одолевать поледца. Индржих и раньше больше защищался, чем нападал, а теперь, скалясь и истекая кровью из глубокого пореза, задыхаясь от насморка и боли в спине, принц едва успевал подставлять клинок меча под быстрые удары Огненного Волка. Вот пламенеющий клинок ткнулся острием в левую руку королевича, вот под ударом лопнул гамбизон, и жарко стало обожженному

лезвием правому боку. Но Индржих еще уходил от смертного удара, все еще не сдавался. Тяжело взмахивая мечом, он стоял в неровном костровом свете, и вдруг Свентовук открылся — чуть выше, чем нужно, уведя левый локоть. Принц рубанул оборотня по левому плечу. На черной шерсти рубахи раскрылся влажный красный цветок. Волчий Царь отшатнулся назад и полуудивленно, полубрезгливо глянул на свою рану.

— Бог мой, достал! — оборотень, скрипнув зубами, упал на колени. Королевич бросился к своему недавнему спасителю, но глаза Свентовука так гневно полыхнули зеленым, что принц отскочил к костру. — Езжай с перевала, дурень! На мне быстрее, чем на собаке, заживет...

Не прошло и четверти часа, а королевич уже выехал из жаркого лета Волчьего перевала в ноябрьский сырой лес. Березы и сосны в нем росли вперемешку, островами и островками, но молодь была большей частью сосновой, по-ежиному мохнатой. Копыта коня мягко уходили в мокрый олений мох, топтали опавшие ягоды брусники. Изредка в вышине раздавались вороньи крики. Через два часа королевич заехал в такой буреломнице, что ни пройти, ни проехать, да и не объехать его — такая куролесица вокруг, мхи да болота, непролазные грязи, деревья, опрокинутые как попало, осклизлые стволы под отваливающейся пластами корой, гнилые ветви, черные пятна расплзшихся грибов. Пришлось спешиться, вести Огра в поводу, расчищая то и дело дорогу. Время уже перевалило далеко за полдень, когда принцу удалось выйти на сухую гриву, на высокой спине которой сохранились даже следы дороги. К этому времени у королевича болело все, что могло болеть у живого семнадцатилетнего человека, ведущего беспорядочный образ жизни в конце осени и в ч... Бог ее знает, какой глухомани.

Рану на бедре Индржих перевязал новой рубашкой добротнo — спасибо Болеславу из Крепиц, после его уроков многое

перевязывать приходилось. На левый бок приспособил подушечку из рукава, чтобы было потеплее и кольчугой не натирало сквозь дыру в гамбизоне. Хуже было со спиной: как Иржик ни изворачивался — ну никак не удавалось укрыть полотняной полосой разодранную кожу, бинт все время сбивался, свивался в жгут и так надоел принцу, что тот кинул тряпицу в болото, натянул на плечи рубашку, гамбизон, кольчугу, взгромоздился на Огра и поехал, петляя между деревьями.

Лесная деревенька вынырнула из-за еловых ветвей и закачалась дымными столбами над дранчатými пестренькими крышами: дюжина домишек за невысокими частоколами, овцы, блеющие на мокром косогоре, выкрашенные желтым да красным ставни и стрехи. Несколько мужиков в серых войлочных шляпах и кафтанах поправляли колья у угловой изгороди. Деловито потюкивали топоры, на неярком дневном костре обугливались заостренные концы бревен.

Один из мужиков, подпоясанный не домотканым полосатым кушаком, а дорогим чересом с ланцюжками через плечи, воткнул топор в корявый комель, стряхнул с рук верхонные, из конского волоса вязаные рукавицы и степенно пошел навстречу подъезжающему рыцарю.

Тот был, видимо, детина вежливый, загодя слез с коня, поклонился не низко — не стыдно, справился о деревенских делах...

А Франта Домосед и бухнись ни того ни с сего на колени и завопи:

— Доброго здоровьичку вам, пан-королевич. Не побрезгуйте гостеприимством нашим, отведайте хлеба-соли!

Рыцарь его поднимать, а войт новыми штанами елозит по мокрой траве, по песку и слякоти и тянется ручку королевичу целовать. Тут и остальной народ работу бросил — какая работа, когда такой гость на дворе! Кто побежал свинью колоть, кто

торопить женку хлеба ставить. Двое войтовых батраков бегом припустили дрова в гостевую избу таскать да девок ее подметать звать. Шум, гам, суматоха!

Трое парней Огра обихаживают, чистят скребнишей, гриву расчесывают, подковы осматривают. Двое других королевича в баню ведут.

— Ну где, дура, рубаха моя батисная, помиральная? — вопит войт, взрывая рухлядь по сундукам, — что пану после бани надеть? С дороги он!

— Да точно ли королевич? — не верит молодая краснощекая женушка.

— Точно он, сокол наш златокудрый, — голос Франты становится торжественно ласковым, — спаситель мой. Всякий ли рыцарь, Ярмилка, стал бы простого ратника своим щитом укрывать, а? А он еще и обидчику моему, фряжине лысому, башку до пупа раскроил! Как сейчас помню: ус — вправо, ус — влево, а посередине взамен носа — королевичев меч! Так что не болтай, а ищи рубашку, бестолковая баба, и доставай мой свадебный наряд и сапоги, сапоги тоже! Мартек, Мартек! Беги сюда, а теперь беги к Иржи-кузнецу, у пана королевского сына кольчуга пробита, и без копья рыцарю негоже. Да по дороге забеги к Янеку — не Губатому, а Плешивому — пусть несет тетерок. Я видел, он с утра трех из силков вынул! Уф, тяжело...

Вечером за столом в гостевой горнице собрались все мужчины деревни, а женщины, девицы и малолетки чинно уселись вдоль стен. Выпито было пиво, очищенные от мяса, белели ребра жареной свиньи, и настало время умной, серьезной беседы. Не нужно повторять, о чем спрашивал лесовиков королевич, а рассказали они ему вот что.

Давным-давно — поговаривали, что при самом начале Мира, — выросла на одной из златянских скал высокая

и островерхая Гранитная Башня, немного похожая и на горские кулы, и на гордые зеленопольские замки. Болтали про Башню многое да и разное, кое-чему местные и сами верили, другое в ход пускали лишь для похвальбы. Что правда, что ложь, в Златогорье враз и не отличишь. Сам брехун не знает — когда правду пролаял, когда ветер погонял — все так. Но одно про Башню люди знали наверное: есть у нее хозяин. Про него, опять же, разное говорили. Одни — что, мол, парень Башней владеет, темноволосяй, с молодой бородкой и юнацкой повадкой. Другие доказывали — старик там хозяин, кудри седые до локтей, борода по пояс, сам весь иссохший, будто из железных прутьев кручен. Сходились в одном — хозяин был одноглазым. И даже не просто кривым — таких в округе пруд пруди! — а сияло у него посреди лба солнечное жгучее око, всевидящее и беспощадное. Почему беспощадное — опять же никто не знал — ведь Хозяин Башни уже лет семьдесят не покидал своего обиталища. Самые древние старики еще вроде бы помнили, как заступали ему дорогу, но им не особо верили. В те дни молодые, горячие головы стали поговаривать, что неплохо было бы наведаться в подвалы Башни да пошуровать там. Старик-то помер, небось, а у одиноких колдунов добра обычно ой как много накоплено.

Несколько юнцов даже поехали как-то на утренней зорьке. Кони их на вечерней вернулись. С той поры никто не решался. Даже пастухи, народ грубый и смелый, стараются гонять своих черных овец как-нибудь в обход. А теперь еще — если верить лысому брехуну Вуржелу Калянице (верить ему нельзя, конечно), но другие тоже видели — так вот: теперь в Башне стали загораться огни — не людские, золотисто-розовые. Точь-в-точь как в кострах у Дивьих Людей, живущих под холмами.

Говорят еще, будто весенними вечерами приезжает к Гранитной Башне беловласая девица в платье, вышитом жемчугами,

на сером коне, что скачет, струясь, словно дым на ветру. Плачет девица у дверей и заклинает Одноглазого не покидать Башни. Зачем ей то надо? Только гадать можно на бобах или какой иной бабьей мудрости. А когда слезы девицы прожгут железные двери, она поднимется вверх, расчешет колдуну волосы серебряным гребнем, и умрут они, обнявшись, как жить им не удалось.

Индржих уехал на третий день, сытый, отдохнувший, с новым щитом и парой копий — длинных, ладных, ясеневых. Едва заехал королевич за Красену, замок Верната Алого Барса, как хлынул ливень, и стучал он по шлему и плащу королевича двое суток, потом плащ заледенел и стал жестким, как пересохшая шкура.